

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А.Д. АЛЕКСАНДРОВЕ

Р.И. Пименов

Выдержки из «Воспоминаний» Р.И. Пименова, относящиеся к А.Д. Александрову.

1. Геометрический семинар Александрова

Р.И. Пименов. 1953

Все основные идеи своей последующей тридцатилетней математической деятельности почерпнул я — как воздух — в этом семинаре. И, как воздух, они никому персонально не принадлежали, они витали вокруг всех и не были пойманы в формулировки. Направленность моя на занятие теми геометрическими моделями, которые могут позволить объяснить (эксплицировать) ВРЕМЯ, ТЕОРИЮ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ, КОСМОЛОГИЮ, — это оттуда, из вечного интереса Александрова и Борисова к этим проблемам. Использование аппарата выпуклого анализа с его субдифференциалами предпочтительнее по сравнению с классическим анализом дифференцируемых функций — это оттуда же, из докладов в семинаре и разговоров на улицах Васильевского острова с Бакельманом, Волковым и Решетняком. Пристальное внимание к корректности научных утверждений, умение отличать «доказанное от недоказанного», та щепетильность, которая даже в ситуации, чреватой тяжёлыми житейскими невзгодами, заставляет первого указать на ошибку в своих собственных выкладках — это и от Залгаллера, и от Александрова, да и от всех. <...> Даже многие чисто личные чёрточки заимствовал я от Данилыча: жест, определённые интонации, ораторская громкость, манеру внимательно слушать и не стесняться перебивать, когда непонятно, неверно, широту и известную театральность реплик.

2. Знакомство с А.Д. Александровым

...10 октября я явился — деревянной походкой — в комнату комсомольского бюро (на втором этаже матмеха, где в шестидесятые годы помещалась преподавательская) и вручил секретарю Леше Дадаеву свое заявление:

В связи с тем, что мои убеждения расходятся с требованиями, предъявляемыми к комсомольцу, прошу Вас не считать меня более

комсомольцем, каковым я перестаю себя считать, начиная с сегодняшнего дня, ПИМЕНОВ. 10.10.49.

Через несколько дней Фельдман с Дадаевым свели меня в партбюро. Мне был задан какой-то вопрос, я понес какую-то философскую чушь. Секретарь партбюро С.В. Валландер оборвал было меня: «Ну, это, разумеется, чушь».

Импозантный мужчина, до того незнакомый мне — это оказался профессор нашего факультета А.Д. Александров — остановил Валландера широким жестом: «Пусть оратор выскажется!» — дал мне договорить. И начался наш первый с ним диалог (прочие далее до самого конца не вмешивались). Пожалуй, этот разговор имел только два последствия. Во-первых, полюбив лично Александрова (он очень обаятельный человек), я после этого стал специализироваться по геометрии, хотя вроде ощущал больше склонности к алгебре. С тех пор и до сих пор Александров все время выступает то официальным, то неофициальным моим научным шефом. Другое последствие: я стал отождествлять коммунизм с фашизмом. Произошло это так. В процессе разговора, восхваляя существовавшее в нашей стране в то время, Александр Данилыч сослался на мнение ему известного эмигранта-антифашиста:

«Правда, на первый взгляд мне показалось, что и там и там одинаково. Та же официальная ложь, тот же нахально-самодовольный тон газет. Но когда приглядишься, то понимаешь, что там все это на пустом месте, не оправдано никакой великой целью. А здесь — все это стало внутренне необходимо для счастья человека и светлого будущего».

До того времени сравнение сталинского строя (который я тогда отождествлял с марксовским коммунизмом) с фашизмом мне ни разу не приходило на ум. Тут же меня как озарило. Медведь тушил пожар.

3. О профессоре А.Д. Александрове

Александров был учеником очень нетривиального геометра — Бориса Николаевича Делоне, двадцатью годами его старшего, деда прославившегося в шестидесятые годы поэта Вадима Делоне. Как и Делоне, Александров занимался альпинизмом и, пожалуй, больше своих математических регалий гордился значком «мастер спорта» по альпинизму. <...>

В свои 30 лет он стал лауреатом Сталинской премии, в 34 года (в 1946 году) — членом-корреспондентом Академии Наук СССР. Так как он не занимался никакой военной тематикой, а то ли его отец, то ли его дед был сенатором в дореволюционном Сенате и чуть ли не начальником какого-то департамента, то эти успехи объяснялись исключительно научными причинами. Он был нетривиален, замечательно импровизировал, старался во всем вникнуть до самой сути и не успокаивался, пока не возникало в нем искренней убежденности. Как и многие в его поколении, он истово веровал в марксизм, в диалектический материализм особенно. После премии и избрания в АН вступил в ВКП(б).

Не был он лишён и приспособительных способностей, но честность мешала ему и в конце концов привела к безнадёжному конфликту с ленинградским горкомом или обкомом. Известен случай, когда он ехал на «колбасе» трамвая, его снял милиционер, потребовал документы. Увидав карточку членкора Академии, милиционер козырнул и вернул документы со словами: «Продолжайте эксперимент». У Александрова замечательная память на лица — была сорок лет назад, и сейчас сохранилась. Он помнил — в лицо, хотя фамилии мог и не знать — всякого, с кем хоть раз разговаривал. Как и многие творческие натуры, он плохо помнит то, что сам он произносил в тех или иных обстоятельствах.

И вот он читал обязательный курс «Дифференциальной геометрии» для общего потока всех математиков и механиков курса в IV-V семестрах. Ничего особо выдающегося в содержании не было — мне с тех пор попадались книжки и программы этого курса куда как более насыщенные. Более того, Александров не давал общего и единого аппарата (например, тензорного, как в книгах Кагана), овладев которым всякий, даже туповатый, студент решил бы все задачи дифференциальной геометрии. Вообще цельности, завершённости в этом его курсе было маловато. Не случайно за всю свою более чем полувековую математическую деятельность он так и не написал ни одной книги (та, что с Залгаллером — Данилычу не в зачёт)¹. Он был мастером этюдов, мгновенных импровизаций. Он учил каждую теорему воспринимать с самого начала, доказывать, словно бы ничего пред тем не зная, с чистого листа. Гениальным озарением. Поэтому к нему и установилось двойственное отношение: одни его терпеть не могли «за пижонство», «за халтуру», «за неподготовленность к лекциям», а другие восхищались его «концепцией конгениальности», «возможностью наблюдать процесс творчества воочию у доски», нахождением минимальных и красивейших путей мысли. Вот относящиеся к этой черте строки из той же шуточной поэмы:

Служил Данилыч на матмехе,
Вставал не рано поутру,
Читал Данилыч для потехи
Студентам всякую муру.

По геометрии Данилыч
Аксиоматику читал.
Студенты слушали, томились,
Да он и сам не понимал.

Да, не редкостью было услышать от этого профессора с кафедры признание в том, что он НЕ ПОНИМАЕТ того или иного факта, имеющего тем не менее место в системе геометрических наук. Меня такое признание словно бы приобщало к миру горнему. *Wer von euch kann zugleich lachen und erhoben sein?*²

¹А.Д. — автор нескольких книг и учебников по геометрии (А.Г.).

²Пименов Р.И. Воспоминания. Т.1. М., 1996. Размещено на сайте <http://www.sakharov-center.ru>